

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СУДЬБЫ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СМЕРТИ

В статье рассмотрены тенденции взаимообусловленного влияния феноменов смерти и судьбы. Феномен судьбы понимается как взгляд на жизнь в контексте осознания смерти. В то же время понимание судьбы как реального факта бытия репрезентирует смерть как неотъемлемое качественное состояние жизни. Подобный подход принят в качестве гносеологического постулата, преодолевающего субъективизированную природу страха смерти.

Ключевые слова: судьба, смерть, адаптационные возможности, психоанализ, экзистенциализм, трансперсональный опыт.

В общем проблемном поле современной танатологии можно выделить два типа реагирования сознания индивида на информацию о смерти. Первый – спонтанная рефлексия. Она характеризуется установлением информационного контакта между индивидом и объектом фатальной опасности. Адаптационные возможности организма индивида здесь сведены к минимуму. Он психически адаптируется не к сопротивлению, а к подчинению.

Этот феномен достаточно изучен в медицине, психологии и философии. Американская исследовательница Э. Кюблер-Росс, работая в этом направлении, определила, что человек имеет адаптивную способность к процессу умирания. Более того, ряд исследователей сходятся во мнении, что информационные процессы, обуславливающие как выживание, так и умирание, для воспринимающей системы неразличимы. «Биологическая танатология утверждает, что жизнь – смерть – это две неразделимые стороны, две формы одного явления – жизни. Жизнь и смерть тесно связаны, переплетены и взаимно обусловлены: первая порождает вторую. Смерть – необходимый и безусловный результат жизни, это не одномоментный акт, а долгий процесс» [1, с. 8].

Исходя из понимания процессуальности смерти, можно сказать, что она не может быть случайной. Существует некая установка, которая предопределяет в отдельных случаях отсутствие у индивида способности к выживанию. Более того, избирательность событий в условиях риска определяет для индивида фатальный исход. К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют критерии определения подобных проблем. Поэтому в ряде случаев трагизм соб-

ственной судьбы детерминирован условиями субъективной неадекватной оценки.

Неадекватная оценка объективной реальности, вполне вероятно, базируется на почве в той или иной степени сформированных заранее деструктивных установок сознания. В психоанализе они рассматриваются как влечение к смерти, по аналогии с садомазохистскими патологиями. «Согласно теории первичного мазохизма, стремление к страданию и смерти является биологической данностью в форме так называемого принципа нирваны» [2, с. 178]. Деструктивность восприятия в данном случае выражается в отсутствии самореплицируемого дубликата, который является промежуточным принципом реагирования в условиях смертельной опасности [3, с. 18].

Отсутствие такого промежуточного звена создает условия для непосредственного информационного контакта с объектом опасности. Подобные условия складываются задолго до обозначенного контакта на уровне его восприятия естественными информационными механизмами индивида. Процессуальность смерти обусловлена длительностью во времени. Принцип нирваны обозначен психоаналитиками как форма получения удовольствия в условиях саморазрушения. Как правило, подобное влечение является неосознаваемым. Более того, оно может осознаваться сквозь призму какой-либо идеи политического, патриотического или националистического характера, но не как желание гибели, а как желание уничтожения.

Агрессивный характер влечения индивида вовлекает его информационную структуру именно в ту сферу объективной реальности, в которой формируются условия как уничтожения, так и самоуничтожения.

В этой связи как В. Райх, так и З. Фрейд определяют причину фрустрации в отношении не к самой смерти, а к первоначалам человеческой жизни, к тому, что детерминирует основу информационной структуры индивида. Неспособность воспроизвести духовную репликацию создает условия деструктивной информационной организации, в результате развития которой возникает разрушение информационной надстройки. Эти разрушения необходимы для высвобождения первичной информационной структуры и проецирования воспроизводимых ей репликатов. Очевидно, этот процесс необходим для создания устойчивой системы энергоинформационного обмена, без которого процессы жизнедеятельности постепенно трансформируются в процессы гибели биологической природы организма.

Второй тип реагирования на информацию о смерти – осознанная рефлексия. Именно этот феномен становится в дальнейшем основным предметом научного анализа. Сознание информационной структуры позволяет вариативно и творчески включаться в отношения с окружающей средой, субъективно преобразовывать средовой контекст. Этот принцип является прерогативным в философских концепциях феноменологов, опариновских виталистских концепциях и ряде современных картин. «Понятие жизни, по аналогии с процессами сознания, представляет собой сплошной поток творчества» [4, с. 103]. Здесь явно имеется в виду, что жизнь взаимообусловлена свободно структурирующейся и вариативно определяющейся информационной системой, создающей свободный энергоинформационный обмен.

Этот тип рефлексии предполагает некую идею целостности сознания во взаимосвязи субъективной информационной доминанты и объективной информационной реальности. С одной стороны, здесь формируется субъективный образ реальности, с другой стороны – субъективная реальность объективируется через ассимиляцию информации. Принцип целостности позволяет разомкнуть границы индивидуально-субъективного и реорганизовать в сознании реальность более стабильного бытия процессов и явлений. Но отношения с информацией об опасности строятся индивидом опосредованным образом. Феномен судьбы в дан-

ном случае выступает универсальной формой опосредованности.

В отношении к восприятию информации о смерти необходимо отметить принцип целостности, который выполняет роль неполного информационного подчинения. Доминированию сигнала об опасности подвержены только периферийные информационные системы. При хороших условиях вариативной адаптации периферийная информационная система имеет способность не включаться в эту дифференциальную игру.

Целью данного исследования является доказательство того, что данные действия можно воспроизводить управляемо и эффективно, что позволяет индивиду в условиях смертельной опасности мобилизовать все присущие ему ресурсы выживания. Но эти действия возможны только при условии стабильной реплики, оперирующей своим дубликатом.

Непосредственной связи между отражаемой информацией и информацией как таковой возникать не может в силу особенностей психической и мыслительной деятельности человека. Эта связь всегда будет опосредованной: либо фрустрированным восприятием, либо реплицируемым дублем [3, с. 18]. Поэтому необходимо отметить, что не сам индивид как феномен мышления, но его репликативный дубль сохраняет открытость вовне. Образ целостного мира, воспринимаемого субъектом, приобщает его к более стабильной форме существования, чем он сам. В условиях смертельной опасности система мышления блокируется от объекта опасности феноменом судьбы с последующей реадaptацией на условия выживания.

Субъект-объектная информационная связь существует в двух различных аналитических плоскостях. Одна из них понимается как общественное сознание, являясь в то же время промежуточным звеном между надсознательным психическим восприятием и сознательно-обусловленным. Сознательно-обусловленная информация, или присвоенная индивидом, определяет противоположную аналитическую плоскость. Их различие необходимо понимать в первую очередь как абстрактную и конкретную сферы информационной реальности. Исходя из этого, можно определить, что информация о смерти в общественном сознании регламентируется другими абстрактными

принципами, в то время как в субъективно-индивидуальном аналитическом поле она лишь переживается. Но этот экзистенциальный предикат также управляем с точки зрения общего: смертны все. Это обобщение постулировано в сознании субъекта мышления как неперемненное условие жизни или базисное условие судьбы.

В. Янкелевич, глубоко постигая феномен осознания личностью своей смертности, полярно дифференцировал знание о смертности вообще и знание о собственной смерти. Он определяет, что «...истина смертности живых существ – не чистая истина, а смутная судьба, и поводом заново ее осмыслить становится для нас каждая реальная смерть» [5, с. 17]. Он определяет иерархичность понимания смерти в трех лицах. В третьем лице информация о смерти является трансцендентной относительно индивида и предельно абстрактной, выступая в роли всеобщей судьбы. Во втором лице информация о смерти затрагивает периферийные структуры информационной системы, глубоко влияя на сознание личности, затрагивая личностные структуры его судьбы. Реальность смерти в первом лице – глубочайший смысложизненный кризис, разрушающий в сознании личности понятие жизни. Пережить этот кризис достойно можно только при условии формирования новых онтологизирующих основ религиозного или метафизического характера.

Сформировав глубинное понимание феномена судьбы, субъектная основа реорганизует ничтожение собственного «Я». Ничтожение отчуждается в сферу объективного процесса, сглаживая личностную трагедию умирания адаптацией к умиранию как всеобщему условию бытия всего живого. Механизмы понимания судьбы ассимилируют факт смерти более отчужденно, сквозь призму восприятия смерти себя в качестве третьего лица.

Поэтому знание о том, что человек смертен, не оказывает существенного влияния на понимание собственной смертности. «Знакомство со смертью является «узнаванием», как платоновский «анамнис» есть реминисценция, – подобно ей, узнавание ново, первично и неповторимо. С тех пор как мы узнали, нам кажется, что прежде мы совсем ничего не знали, и наше прежнее знание представляется таким далеким, будто оно предшествовало нашему рождению и

в пустоте своей равнозначно полному неведению» [5, с. 18].

На сегодняшний день данный феномен актуален в психологических и психоаналитических исследованиях. Одно из ведущих мест в этом направлении занимает трансперсональная психология С. Грофа. Главной проблемой здесь определяется специфика спонтанного реагирования на летальный диагноз, затрагивающая глубинные механизмы человеческой психики. Как правило, индивид не может самостоятельно выйти из сложившегося кризиса. В таком случае последний период его жизни омрачен не только физической болью, но и душевными страданиями, а также смысложизненным кризисом. Помимо облегчения течения болезни с такими пациентами проводятся лечебные сеансы, акцентированные на надличностном и трансцендентальном психическом опыте, в результате которого формируется глубинный механизм понимания прожитой жизни как собственной судьбы.

В исследованиях данные практики описаны следующим образом. На первом этапе все пациенты проходят через соответствующие ЛСД-процедуры, «в ходе которых рано или поздно переступают психоаналитические границы и спонтанно выбрасываются в некие эмпирические миры... Самыми общими, но и наиболее важными явлениями, возникавшими во время сеансов, были переживания смерти и возрождения, сопровождаемые чувством космического единства» [6, с. 30]. Данная психотерапевтическая практика позволяет расширить диапазон восприятия феномена смерти. Смерть уже мыслится не концом жизни, а началом нового опыта.

Как показывают результаты исследований, только переживание личного опыта, полученного пациентом в состоянии трансцендентального погружения, убеждает его в наличии иной аналитической плоскости сознания. На этом этапе формируется возможность выхода из душевного кризиса, а неповторимая и уникальная судьба наполняет смыслом и надеждой призрачное метафизическое будущее.

Методика С. Грофа является не единственной возможностью работы с сознанием смертности. Э. Кюблер-Росс, возглавляющая деятельность по хосписной помощи, придерживается аналогичных подходов. Ее исследования, опирающиеся на опыт Р. Моуди, подтвер-

ждают вышесказанное: для индивидуального сознания личная смерть находится за пределами опыта и воспринимается только в пределах опыта, обозначенного как личная судьба.

Полученный в результате соприкосновения с тайной смерти информационный опыт, нельзя передать в терминах языка. «Люди чувствуют, что пережитое ими состояние трудно описать – настолько оно выходит за рамки привычного мышления и возможностей человеческого языка. Они приходят к выводу, что просто бесполезно пытаться об этом говорить» [7, с. 67]. Поэтому, с одной стороны, получивший личный опыт соприкосновения с таинством умирания не может адекватно вербализовать увиденное им. С другой стороны, слушатель не способен адекватно воспринять чужой опыт.

Характеризуя результаты соприкосновения личности с опытом умирания, Р. Моуди определяет ряд характерных черт. «Никто не пытался убедить других в реальности того, что пережил сам. Наоборот, я понял, что люди предпочитают об этом молчать. Пережитый «опыт» оказывал на них положительное воздействие. Многие рассказывали, что этот опыт расширил и углубил их взгляды на жизнь. Они начали искать ответы на основные философские вопросы» [7, с. 67]. Совершенно очевидно, что встреча со смертью оказывает влияние на психику субъекта не случайно. В свете данного исследования можно предположить, что в описанных и подобных им ситуациях имело место изменение кода судьбы.

Непосредственное восприятие собственной смерти, ощущение хрупкой грани человеческой жизни формирует в человеке позитивные следствия, желание выстроить собственную жизнь по оптимальной модели. Скорее всего, это форма самоидентификации с более стабильным принципом человеческого бытия, о котором говорилось ранее. Но желание соответствовать некоему трансцендентальному идеалу здесь непосредственно связано с пониманием сущности судьбы и временных характеристик жизни. В человеке рождается некая сила, которая имеет власть над его умом и аффектами тела. Можно предположить, что именно эта сила, определяемая в качестве феномена судьбы, спонтанно сформировавшаяся на краю жизни, вновь вернула человека в жизнь.

Феномен судьбы как синтез понятий жизни и смерти – центральное звено самооргани-

зующейся цепочки сознания, реализуемой только в условиях смертельной опасности. Опыты Р. Моуди, Э. Кюблер-Росс, Э. Тома, С. Грофа и других не только подтверждают наличие трансперсональной реальности, но и показывают наличие возможности использования индивидом информации о смерти не только в негативном аспекте, как это происходит в спонтанном восприятии, но и в позитивном. Позитивная константа оперирования данной информацией стабилизирует сознание субъекта и, как подтверждает опыт, помогает найти выход из критической для жизни ситуации. Более того, изменения субъективной детерминанты судьбы или изменения ее кода могут произойти только в момент наивысшего психического напряжения – перед лицом смертельной опасности.

Сегодня европейская культура анализирует эмпирический материал по исследованиям, проведенным в этой области. Восточная же культурно-психологическая традиция уже многие века использует практически полученный в этой области опыт. Здесь субъект боевого искусства психологически укореняется в пределах внутриличностной информационной структуры, используя этот неисчерпаемый энергетический резервуар как источник личной силы. Кроме боевых искусств известна многоаспектная форма применения подобных практик на Тибете и в Индии как способ самоорганизации сознания в духовном совершенствовании. Философия мистических практик Востока активно используется в западной психотерапии, на ее базе возникла танатотерапия, использующая холистические модели.

Рассмотрев различные подходы к феномену судьбы, можно концептуализировать отношение человека к смерти как его отношение к судьбе, используя в качестве примера субъект болезни.

Иерархия субъект – объектных отношений судьбы выстроена здесь от простого к сложному. На более простом, грубом уровне доминирует болезнь пациента, перед лицом которой он оказывается слабым, беззащитным и психически разбалансированным. В информационном плане субъект болезни дестабилизирован как системная целостность. Болезнь создает определенные условия патологической адаптации организма к его новому состоянию. В то же время относительно критериальной физиологичес-

кой нормы организм включается в дезадаптационный процесс. Тенденции развития данного процесса создают новое качество меры процессов адаптации и дезадаптации, приводя организм в состояние более низкого качественно способа существования. Адаптационные процессы создают новый уровень самоорганизации с тенденцией к саморазрушению.

Любая информационная структура деструктивного плана приживается в сознании субъекта опосредованно. Трудно найти примеры, в соответствии с которыми больной отказывается лечиться, чтобы сознательно привести себя к гибели или причинить себе мучительную боль. Как правило, подобные ситуации формируются на почве социальных мифов о бессилии медицины или о всемогуществе неких паранормальных методов исцеления. Попав в данный информационный средовой контекст, психика больного медленно подчиняет его сознание и волю тенденциям разрушения. Зачастую эти больные пытаются найти помощь в своих страданиях, но используют при этом совершенно неадекватные способы.

Подобных фактов достаточно много, и они создают социокультурный раскол в общественном сознании между врачом и пациентом. Зачастую медицина квалифицирует подобные факты как свободный выбор индивида. В то же время данные феномены привязаны к информационному средовому контексту, который питает сознание болезни. Таким образом, единожды созданный в сознании репликативный дубль формирует проекцию дублей-аналогов или стереотипизированный подход к аналоговым ситуациям, создающим психологически устойчивую систему болезненного состояния пациента.

Субъективно система тенденции болезненности способна рассогласоваться только при условии ее реорганизации изнутри. Для этого необходима объективная оценка состояния больного, которую самостоятельно произвести практически нереально. Соответственно рассогласовать устойчивую, патологически ориентированную информационную структуру – невозможно. Информация о смертности организма встроена в его базисную структуру и является прерогативой глубинных бессознательных слоев психики. Осознать опасность, грозящую системе жизнедеятельности, можно только в том случае, если воспользоваться обозначенной

выше системой координат, в которой судьба выступает в качестве синтеза жизни и смерти всего живого.

В подобных ситуациях выход из онтологического тупика может быть только экзистенциально-гносеологическим и выражаться в форме философских рассуждений о том, судьба ли жить. Но подобные рассуждения в среде обывательного сознания – большая редкость. Как правило, обыватель прячется от истины за стеной психологически комфортного мифа и верит в него как в непреложную истину.

Обычно при условии выхода из патологически-деструктивной информационной среды субъект сталкивается с психологическим кризисом осознания возможности собственной смерти. В синергетической концепции реорганизация деструктивной системы может осуществиться только при посредстве деструктивных условий более сложного порядка. Поэтому страх смерти в ряде случаев дает импульс выживанию организма. Но этот процесс не должен осуществляться спонтанно, так как его позитивное влияние на психику больного ограничено разрушением сознания болезни. За этим пределом тонкая грань, отделяющая болезнь от реальности смерти.

Как показывают исследования американских антропологов, адаптация организма к смерти формируется прямо пропорционально процессу исчезновения страха перед собственной смертью. Э. Кюблер-Росс, судя по своей многолетней практике, утверждает, что в преддверии смерти организм прекращает сопротивление болезни не только физиологически, но и психологически. Человек принимает свою судьбу в пределах ее смертности, анализирует собственную жизнь, делает глубинные смыслозначимые выводы.

Невозможно с точностью определить, насколько субъективные детерминанты феномена судьбы способны повлиять на объективные события в общем и целом, но однозначно, что апелляция к феномену судьбы в критических точках бытия всегда конструктивно и благотворно влияет на его исход.

Осознание момента болезни как случая судьбы формирует не только условия оптимального режима выздоровления больного, но и бессознательной готовности к получению максимально адекватной помощи от врачей и иных

специалистов. Возвращаясь к феномену судьбы как к социокультурному коду, представляется необходимым отметить важность вопроса о том, какой код (выздоровления или усугубления болезни) доминирует в сознании субъекта.

Осознание феномена судьбы в данном аспекте равно важно и для врачей. Понимание профессионального долга перед больными как реализации судьбы формирует социокод, согласно которому энергоинформационная включенность врача в профессиональную деятельность оказывается более эффективной в интуитивном плане. Более того, внутренний психический резерв специалиста становится мощным источником вдохновения в процессе убеждения пациентов и реорганизации конструктивных тенденций их психики. В данных

условиях психический потенциал врача становится в максимальной степени стрессоустойчивым и позволяет работать с максимальной отдачей и энтузиазмом.

Можно предположить, что структура социокода судьбы является внутренне осознаваемой посредством сверхчувственного восприятия своего рода «путеводной нитью», в соответствии с которой субъект объективирован в пространстве реальности предельно адекватно. Понимание судьбы ограничивает субъект от незначимых или деструктивных влияний, организуя процессы его жизнедеятельности в оптимальном режиме. Можно характеризовать феномен судьбы как режим оптимального информационного отбора в соответствии с вектором целеполагания.

30.11.2009

Список использованной литературы:

1. Категории человеческого существования. Вып.2. Смерть и бессмертие. - М.: ИНИОН, 1990. 68 с.
2. Райх Б. Характероанализ. - М.: Республика, 1999. 461 с.
3. Черкозянова Т.В. Онтологические и филологические дефиниции понятия «Судьба» в контексте самоорганизации информационных систем. // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2009. - №10. С.12-19.
4. Алексеев А.П., Карпенко Е.И. Проблема жизни и смерти в духовном опыте человека // Медицина сегодня и завтра. - Харьков. - 1999. - №1. С.102-107.
5. Янкевич В. Смерть. - М.: Изд-во Литературного института, 1999. 448 с.
6. Гроф С. Человек перед лицом смерти. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 239 с.
7. Моуди Р. Жизнь после жизни. - М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. 144 с.

Сведения об авторе: Черкозянова Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии ГОУ ВПО «Оренбургская государственная медицинская академия
Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию»
460000, г. Оренбург, ул. Советская, 6, тел. 89878528369, e-mail – philosopher_orgma@mail.ru

Cherkoziyanova T.V.

TO THE PROBLEM OF FATE CONCEPTUALIZATION IN THE CONTEXT OF DEATH UNDERSTANDING

The tendencies of mutually conditioned influence of death and fate phenomena are regarded in this article. Fate phenomenon is understood as a view on life in the context of death perception. At the same time fate understanding as a real fact of being represents death as integral qualitative condition of life. Such approach was accepted as a gnoseological postulate overcoming subjective nature of death fear.

Key words: fate, death, adaptative possibilities, psychoanalysis, existentialism, transpersonal experience.

Bibliography:

1. Categories of human existence. Issue 2. Of death and immortality. - M.: INION, 1990. 68.
2. Raich B. Harakteroanaliz. - M.: The Republic, 1999. 461 pp.
3. Cherkoziyanova T.V. Ontological and philological definition of the concept of "fate" in the context of self-organization of information systems. // Bulletin of the Orenburg State University. - 2009. - № 10. С.12-19.
4. Alekseenko A.P. Karpenko E.I. The problem of life and death in the spiritual experience of man // Medicine today and tomorrow. - Kiev. - 1999. - № 1. P.102-107.
5. Yankelevich V. Death. - M.: Izd Literary Institute, 1999. 448.
6. Grof S. The man in the face of death. - M.: OOO "AST Publishers, 2002. 239.
7. Moody R. Life after life. - M.: OOO "AST Publishers, 1999. 144 pp.